

В

есть о грядущем открытии в Воронеже университета пробудила у воронежской молодежи энтузиазм. Появилась возможность получить дома высшее образование, следовательно, и профессию. Далеко не все юноши и девушки в 1918 году были захвачены революционной бурей, многие жаждали знаний. Другое дело, были ли они готовы к труду, с которым сопряжена учеба. Поступить могли все желающие, достигшие 16-летнего возраста, независимо от уровня знаний, а вот заканчивали учебу немногие.

Прием заявлений в университет начинается уже в августе 1918 года, когда в Воронеже обосновалась первая группа профессоров из закрытого немцами Юрьевского университета. Вместе с ними переехали около 800 студентов, желавших завершить свое образование. Тот факт, что в Воронеже был создан новый университет, а не функционировал прежний, просто эвакуированный в другой город, прекрасно понимали студенты-«юрьевцы». Все они подавали прошение о зачислении по следующей форме: «Желая продолжить образование в Воронежском университете, прошу зачислить меня студентом (указывается курс или семестр и факультет). Документы мои находятся в канцелярии Юрьевского университета». Документы о прежней учебе студентов были привезены из Юрьева, и на таких заявлениях появлялась справка: прослушал столько-то семестров, сдано все или не сдано то-то.

Гуманитарные факультеты не отличались стабильностью. Юридический факультет был закрыт уже 23 декабря 1918 года, от историко-филологического в начале 1919 года осталась только филологическая часть, и та упразднена в 1921 году. В том же году создан педагогический факультет с разнообразными отделениями. С 1919 по 1923 год действовал факультет общественных наук. Устойчивыми были лишь медицинский и физико-математический факультеты. У многих студентов в архивном фонде имеется не одно, а два или три личных дела — на разных факультетах. В целом же в Государственном архиве Воронежской области в фонде ВГУ (ГАВО, ф. Р-33) хранится более 16 тысяч студенческих дел за 1918–1927 годы.

В первые годы среди выпускников ВГУ были только «юрьевцы». Немногих из них мы знаем, поскольку по окончании учебы они не оставались в Воронеже. Но некоторые из них приобрели общероссийскую известность, а потому попали в анналы краеведения. К примеру, всего год на медицинском факультете учился один из крупнейших челюстно-лицевых хирургов страны, член-корреспондент АМН СССР, Герой Социалистического Труда Александр Иванович Евдокимов (26.11.1883–1.9.1979), два года, с перерывом на службу в Красной армии — нейрохирург, ученик Н.Н. Бурденко Александр Федорович Лепукалн (1892–4.5.1966).

Любопытен и еще один бывший «юревец». Моисей-Исаак Абрамович Сендерихин 18 августа 1918 года подал прошение о продолжении образования. Месяц спустя уточнил: просит зачислить на 4-й курс медицинского факультета. О себе сообщил, что родился 23 августа 1893 года в Могилевской губернии, прослушал шесть семестров. В 1919 году завершил учебу и приступил к сдаче выпускных экзаменов, но помешала Гражданская война (к Воронежу приближались белые) и он уехал в г. Городок Витебской губернии, где жили отец и сестры. Там он работал в больнице и только осенью 1920 года с благожелательной характеристикой вернулся в Воронеж, чтобы сдать экзамены. В его личном деле сохранился протокол испытаний по девяти предметам на звание лекаря и удостоверение от 11 октября 1920 года за подписью декана А.Г. Люткевича.

Недавняя публикация позволяет дополнить и продолжить биографию М.А. Сендерихина. Оказывается, начинал он свою учебу на медицинском факультете Базельского университета (1913/14 учебный год), продолжил в Юрьевском университете с 1914 года. Проработав в витебском Городке заведующим узловой больницей несколько лет, он переехал в Псков, в 1935 году — в Ленинград, где стал доктором медицинских наук. В блокаду служил военным врачом, с 1944 года заведовал кафедрой акушерства и гинекологии Архангельского медицинского института. В мрачные годы борьбы с космополитизмом был обвинен в низкопоклонстве перед Западом (поводом послужила публикация статьи о женском здоровье в сербском научном журнале), исключен из партии и уволен с работы. Не выдержав травли, 1 мая 1949 года Моисей Сендерихин покончил с собой (Хэрманс-Чернышова Е. Дело врача // История Могилевского еврейства. Документы и люди. Кн. 2. Ч. 3. Минск, 2011. С. 33–36).

Еще один выходец из Юрьева вполне может быть отнесен к категории «вечных студентов». Речь идет об Альберте Густавовиче Бекштреме (7.1.1872 — июнь 1919). В 1897 году он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, позднее защитил магистерскую диссертацию по классической филологии. Преподавал классические языки в гимназии, создал семью (трое детей). В 1908 году вышел в отставку и... поступил на естественное отделение физико-математического факультета Юрьевского университета. В 1909 году перевелся на медицинский факультет, мотивируя тем, что занимается историей медицины и чувствует недостаток знаний. В учебе особо не преуспел, его дважды отчис-

ляли за неоплату обучения. К 1918 году он одолел лишь четыре семестра (Государственный архив Эстонии, ф. 402, оп. 1, д. 1767). Переехав в Воронеж, Альберт Бекштрем 15 августа 1918 года заявил о своем желании продолжать медицинское образование и был зачислен на третий курс. Летом 1919 года Бекштрем умер.

За внешней канвой биографии скрывается активная научная деятельность. С 1898 года он опубликовал около шестидесяти статей по этрускологии и папирологии, причем в первой отрасли исторической науки у него практически не было предшественников в России. Остается добавить, что в нашей университетской библиотеке сохранились несколько конволютов и отдельных оттисков работ А.Г. Бекштрема. На трех из них — автографы профессору-филологу Дмитрию Кудрявцеву — он тоже переехал в Воронеж и умер здесь 9 ноября 1920 года (Акиншин А.Н., Немировский А.И. Этрусколог Альберт Бекштрем // Норция. Вып. 5. Воронеж, 2007. С. 12–17).

Бекштрем был не единственным, кто сел на студенческую скамью, уже имея высшее образование. 27 декабря 1918 года прошение на первый курс исторического отделения подал врач Владимир Антонович Равич-Щербо (12.4.1890–7.5.1955), который в 1916 году окончил Казанский университет. Участник Первой мировой и Гражданской войн, он преподавал на медицинском факультете ВГУ, вел активную борьбу с туберкулезом. Одновременно выразила желание учиться и жена, Мария Иоселевна (Иосифовна) Равич-Щербо. В сентябре 1919 года, когда историческое отделение было уже закрыто, она просила о переводе на политико-юридическое отделение факультета общественных наук. Как долго они учились и учились ли вообще, сведений у меня нет.

В декабре 1918 года на второй курс физико-математического факультета ВГУ пожелал поступить сын депутата Государственной думы Владимир Сергеевич Петровский (14.7.1893–16.4.1980). В течение предшествующих пяти лет он учился на кораблестроительном факультете Петроградского политехнического института, затем вернулся домой. Призванный в Красную армию, он надеялся совместить службу с учебой, потому и определился в университет. Но завершать образование ему пришлось в Практическом институте и в Московском институте инженеров транспорта. Возвратившись в Воронеж на склоне лет после отбытия лагерного срока, он обосновался во флигеле «бунинского» дома (пр. Революции, 3) и вместе с писателем Юрием Гончаровым и художником Василием Криворучко вел долгую борьбу с партийными властями за сохранение дома, в котором родился классик русской литературы.

Уникальным явлением среди раннего студенчества были братья и сестра Зверевы — дети священника, известного краеведа и организатора музейного дела Стефана Егоровича Зверева. Четыре сына и дочь начинали учебу в нашем вузе, но завершила ее только дочь. У каждого из неокончивших были на то свои причины.

Старшие Зверевы, Михаил (23.8.1892–17.4.1920) и Георгий (1.8.1895–1920?), подали заявление на историко-филологический факультет в один день — 12 октября 1918 года. Оба уже имели высшее образование. Михаил окончил в 1916 году историко-филологический факультет Московского университета, а Георгий в 1917 году — юридический. Михаил постоянно жил в Воронеже, помогал отцу в делах музея, был страстным коллекционером, увлекался изучением языка эсперанто. Георгий, хотя и числился сотрудником статистического отдела губисполкома, большей частью обитал в Москве. Тогда в чем был смысл поступления в университет? Невозможно поверить в то, что они надеялись получить в новом вузе дополнительные знания. Очевидно, университет в это время давал статус занятости, давал паек, давал, наконец, ощущение причастности к новому обществу.

Георгий Зверев учился, скорее, числился, в университете недолго. В октябре 1919 года он ушел из Воронежа с белыми и, по семейным преданиям, вскоре умер.

Михаил работал в музее, выезжал в уезды для осмотра культурных ценностей в помещичьих усадьбах. Заразившись тифом, он умер 17 апреля 1920 года, на месяц и один день пережив своего отца.

Для оставшихся младших Зверевых университет остался единственной моральной опорой. Учиться, чтобы преодолеть голод, холод, безденежье, учиться, чтобы реализовать свой творческий потенциал, — именно это стало жизненной задачей Ольги (5.6.1901–28.11.1967), Митрофана (3.4.1903–17.11.1991) и Алексея (23.10.1904–1935). На их примере хорошо видно, что большинство студентов совмещали работу с учебой, иначе было не прожить (сведения об этом содержатся в семейной переписке). Ольга поступила в 1919 году на естественное отделение физико-математического факультета и работала в управлении железной дороги, потом — в университете научным сотрудником III разряда. Митрофана зачислили на математическое отделение того же факультета в августе 1920 года. Он работал на университетской метеорологической станции и одновременно — служителем музея зоологии ВГУ, учился в музыкальном техникуме по классу рояля. Семейные беды и материальные трудности помешали ему приступить к учебе, и год спустя он просил «зачислить вновь» на первый курс.

Вот ощущения Митрофана Зверева от происходящего в 1920 году: «Всю весну, лето и начало осени мы прожили, как в каком-то чаду — даже страшно сейчас вспомнить. Жили мы исключительно продажей вещей — и многое на базаре спустили за бесценок. Часто у нас доходило до того, что не было буквально ни рубля денег, ни фунта пшена, ни картошек. Уходили на службу мы, не зная, будем ли мы сегодня обедать. Алеша тогда еще не служил. Утром (почти каждый день) он уходил на базар, на толкучку, с какой-нибудь вещью и назад приносил или немного картошек или еще чего-нибудь и варил обед. Так базарами мы жили очень долго. Потом обедать стали в столовой. Наша жизнь была сплошным кошмаром — непрерывные бумажки и неприятные разговоры относительно квартиры, мои болезни и невозможность поправиться по причине плохого питания, неприятности по службе, совершенная неопределенность будущего и пр., все это доводило до того, что мы старались совершенно не думать, не разговаривать о настоящем, стремились отвлечься, при-

А. Бекстрем

М. Зверев

О. Зверева

думывали всевозможные развлечения, даже иногда снаружи все казалось сносным, однако внутрь заглянуть было страшно, и мы старались не заглядывать, отдавая по возможности от себя заботы о насущных потребностях. Вспоминать об этом не хочется... Хорошо еще, что у нас все мы трое можем быть полезными друг другу и каждый старается по мере возможности».

Ольга окончила учебу в 1925 году и уехала из Воронежа. Впоследствии она стала доктором биологических наук, специалистом по ихтиологии и гидробиологии, работала в Коми филиале АН СССР (см.: Биологические ресурсы тундры: состояние, охрана и роль в экономике. К 100-летию О.С. Зверевой. Воркута, 2001). Митрофан оставил ВГУ и в 1923 году уехал в Москву, чтобы продолжить учебу в консерватории. Закончив ее в 1929 году и став пианистом, он все же своей профессией выбрал астрономию. В 1931 году он окончил МГУ, стал членом-корреспондентом АН СССР, много лет проработал в Пулковской обсерватории. Митрофан Зверев оставил воспоминания о своем отце и его семье (М.С. Зверев. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию со дня рождения. СПб., 2003).

Алексею Звереву пришлось тяжелее всех. Успешно выдержав приемные испытания (они были введены как раз в 1923 году), он поступил на химическое отделение физико-математического факультета. Однако в заботе о хлебе насущном на учебу у него не оставалось времени. «Губернская комиссия по качественной проверке студентов» за неуспеваемость «вычистила» его, да тут еще некстати вспомнили, что он — сын священника. Зверевы по старой памяти жили в одном из служебных флигелей ВГУ и за студента вступился комендант здания: «Гражданин Зверев Алексей Степанович находится в очень тяжелых материальных условиях, в данное время живет (вместе с сестрой) на 4 р. 90 к., которые получает сестра на бирже труда. Зимой и в начале весны он зарабатывал деньги на хлеб физической работой, как то пилка и колка дров, очистка крыш от снега, что зачастую мешало посещению лекций и занимало почти весь кратковременный зимний день». Заступничество не помогло, Алексея отчислили, 9 июля 1924 года он забрал свои документы. Не знаю, сумел ли он поступить вновь и доучиться, но работал он геофизиком-метеорологом. Жизнь Алексея Зверева рано оборвалась в Воронеже.

Интерес вызывает фигура выдающегося отечественного археолога, специалиста по палеолиту Сергея Николаевича Замятнина (9.4.1899–5.11.1958). Выпускник губернской гимназии, он в сентябре 1918 года подал прошение на историко-филологический факультет, после упразднения исторического отделения перешел на факультет общественных наук. В мае 1919 года ему пришлось прервать обучение из-за мобилизации в Красную армию. Службу проходил в 30-м военно-полевом строительном отряде до мая 1920 г., когда по настоянию губоно был «изъят как незаменимый специалист в своей области». Вскоре С.Н. Замятнин восстанавливается на экономическом отделении факультета общественных наук. В это время он работал инструктором по делам музеев и охране памятников искусства и старины в губоно, а с февраля 1921 года — хранителем археологического отдела губернского музея.

Знаний, которые Сергей Замятнин получал на факультете общественных наук, ему было недостаточно, и в январе 1923 года он подает просьбу о переводе на отделение естественных наук физико-математического факультета. Необходимость перевода Замятнин аргументировал следующим образом: «Занимаясь исследовательской работой по своей специальности, я практически натолкнулся на необходимость более широкого и тщательного знакомства с естествознанием. Удовлетворение настоящей моей просьбы доставит мне возможность серьезно работать в указанном направлении». На его заявлении есть виза ректора В.Э. Регеля: «Перечислить. 15.1.1923». Именно это отделение Сергей Николаевич и закончил в 1924 году. Стоит добавить, что недостаток гуманитарных знаний он пополнял в

местном отделении Московского археологического института. Дальнейшая научная деятельность С.Н. Замятнина была связана с Ленинградом (Акиньшин А. Археолог Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958): воронежские страницы биографии // Исторические записки. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 207–214).

Сергею Николаевичу Замятнину, возможно, и не довелось бы окончить университет, повернись судьба по-иному. Дело в том, что он был дружен с семейством Смеляковых и Сахаровым. Николай Сахаров и Владимир Смеляков оказались людьми активными в политическом отношении, а это в ту пору ломало судьбы и их самих, и их друзей.

Николай Васильевич Сахаров (23.11.1894–12.8.1937), уроженец села Спасское Тульской губернии и выпускник Зарайского реального училища, с 1913 года — студент Московского высшего технического училища, откуда в 1916 году был призван в армию. В сентябре 1920 года, «находясь на службе в Красной армии и имея свободное время», он поступил на естественное отделение физико-математического факультета. Действительно, военная служба позволяла Сахарову учиться: он тогда заведовал общежитием для приезжающих при штабе 2-й армии, где и жил сам (ул. Поповорыночная, дом 2).

В январе 1923 года студент 3-го курса Николай Сахаров просил «комиссию по взиманию платы со студентов ВГУ» освободить его от взноса платы, поскольку жалование, получаемого им по должности научного сотрудника в одной из университетских структур, не хватало даже на насущные нужды. Просьбу удовлетворили. Более никаких бумаг в его личном деле нет. Но буквально через месяц на Сахарова завели дело совсем в другом месте — в ГПУ. 27 февраля 1923 года он был арестован по обвинению в антисоветской агитации среди студентов и создании народнического «Союза трудового студенчества». Сахаров и его единомышленники якобы вели борьбу с коммунистической фракцией, организуя нелегальные сходки, проходившие под видом вечеринок. 15 мая 1922 года на такой вечеринке выступал прибывший из столицы Владимир Смеляков, который рассказал о настроениях московского студенчества.

В январе 1923 года по инициативе Сахарова в здании ВГУ была организована елка(!). 20 января 1923 года в учебном корпусе ВГУ проходил

С. Замятнин

Д. Крапивин

З. Яковлева

вечер, участники которого проигнорировали требования коменданта разойтись к 12 часам ночи. Всех присутствующих переписали и через несколько дней они давали объяснения сотруднику ГПУ Скуридину. Среди тех, кто был на вечеринке, — братья Сергей и Борис Замятнины, Тамара Еркина, библиотекарь Александр Растрогуев. Сергей Замятнин в объяснении написал, что при вторичном объяснении о закрытии вечера он ушел домой. О Сахарове дал благоприятные показания его непосредственный руководитель по работе профессор Борис Козо-Полянский.

1 июня 1923 года неформальный лидер университетского студенчества Николай Сахаров был выслан из Воронежа сроком на два года. В 1925 году он работал в Орле лаборантом контрольной семенной станции. Вновь арестован, отправлен в Челябинск, оттуда — на Соловки. В 30-е годы Н.В. Сахаров был секретарем Городского отдела социального обеспечения в Тамбове, вроде бы ему даже удалось окончить ВГУ. Но вот новый арест и ссылка на три года в Омск, там еще раз арестован и 12 августа 1937 года расстрелян в Тобольске (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 10738, 23871; Изгнанники в своей стране. Письма из советской ссылки 1920–1930-х гг. М., 2008. С. 167).

Владимир Смеляков не случайно попал на вечеринку к Сахарову. У Смелякова здесь жили родители и брат с сестрой. Василий Еремеевич и Ольга Васильевна переехали в Воронеж из Луцка во время Первой мировой войны. Зинаида и Владимир окончили здесь гимназию, а Ярослав (в будущем — известный поэт) начинал учебу в начальной школе. Владимир Смеляков (1901–1956) с 1918 года служил в Губернском продовольственном комитете. В том же году он поступил на историко-филологический факультет ВГУ, но затем оставил учебу. В 1920 году вновь поступил на медицинский факультет. 7 июня 1921 года Смеляков был арестован за антисоветские высказывания и решением коллегии Губчека заключен в Митрофановский концлагерь на полгода. Очевидно, Смеляков был первым студентом ВГУ, арестованным по политическим мотивам. Возможно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что родной дядя Смелякова, царский офицер Степан Крицкий, сначала был взят в заложники большевиками, затем воевал в Белой армии и эмигрировал во Францию. О досрочном освобождении В.В. Смелякова ходатайствовал член губисполкома Евдоким Муравьев («лично известен, нужен для работы»), и не без пользы. После освобождения из лагеря Владимир 1 октября 1921 года хотел восстановиться на второй курс медицинского факультета, причем обещал «выполнять все правила милитаризации медицинского факультета и не чинить препятствий к выполнению этих правил другими студентами». Ему был дан месячный срок для сдачи задолженностей. Таких усилий он не предпринял, а потому и не был восстановлен в ВГУ. Забрав аттестат, он в январе 1922 года уехал в Москву. 15 мая 1922 года востребовал остальные документы. По делу Сахарова он не был арестован. Во второй половине 1923 года все Смеляковы (кроме умершего главы семьи) переехали в Москву.

Зинаида Смелякова (17.8.1899–1971) с сентября 1919 года училась на словесном отделении историко-филологического факультета, через два года перешла на социально-историческое отделение педагогического факультета. В апреле 1923 года она безрезультатно просила «комиссию по установлению платы за правоучение для студентов ВГУ» освободить ее от платы, поскольку не имела заработка и никаких иных средств к существованию. 25 июня 1923 года просила вновь принять в число студентов, так как была отчислена за неуплату денежного взноса. Восстановление было возможно, но с условием внесения платы по курсу червонца. Она не смогла этого сделать и оставила учебу. Зинаида была подругой сокурсницы Марии Кашиной, жены писателя Андрея Платонова, и даже крестила их сына Платона в ноябре 1922 года. Она поддерживала с Платоновыми отношения и после переезда в Москву.

Колоритной и противоречивой личностью был Яков Михайлович Металлов (6.5.1900–1976), настоящая фамилия которого — Левин. В январе 1919 года он окончил Гомельскую гимназию. Рано стал участником революционного движения, вступил в РКП(б). С 1920 года обосновался в Воронеже. Почти два года работал следователем Губернской чрезвычайной комиссии и в этом качестве вел дело музыканта Леопольда Ростроповича. В 1920 году Металлов поступил на естественное отделение («биологический цикл») физико-математического факультета, два года спустя просил перевести его на педагогический факультет. Это факультет по словесно-историческому отделению он и окончил благополучно летом 1924 года. На медицинском факультете, кстати, учился его старший брат Марк, ставший позднее ассистентом на кафедре госпитальной хирургии. Уйдя из Губчека, Яков Металлов сотрудничал в «Воронежской коммуне», был хорошо знаком с Андреем Платоновым и даже дал ему рекомендацию для повторного вступления в партию. Позднее переехал в Москву, стал членом Союза писателей, доктором филологических наук, профессором ряда вузов, в том числе Литературного института. В конце 1940-х годов заведовал кафедрой западной литературы в МГУ и даже был научным руководителем аспирантки Аллы Ботниковой (Ботникова А.Б. В те времена... Воронеж, 2008. С. 128–131).

Были среди студентов ВГУ и совершенно экзотические для той поры лица. В августе 1918 года заявление на историко-филологический факультет подал епархиальный миссионер Петр Петрович Сергеев (2.10.1879–1938), выпускник Новгородской духовной семинарии, магистр богословия (1921). Не знаю, сколь долго, но занятия он посещал и о своей учебе в университете позднее упоминал в автобиографии (Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 872). В начале 1920-х годов отец Петр стал одним из лидеров обновленческого движения в Воронеже, в феврале 1923 года при наличии жены и детей был возведен в сан епископа. Позднее возглавлял различные обновленческие епархии. 2.9.1938 в Ростове-на-Дону был приговорен к расстрелу.

В том же 1918 году и на тот же истфилфак, но в октябре, заявление подал еврейский раввин Шлиома Хаимович Черейский-Ицхокин (18.11.1879–1946). Раввином его избрали в мае 1914 года, до этого он успел окончить Петербургский университет. Оригинально, наверное, смотрелись рядом на студенческой скамье православный священник и раввин! Журналист «Коммуны» 1930-х годов Иосиф Черейский (1912 — после 2001), которого я разыскал в конце прошлого века в Москве, сообщил дату смерти отца, но о пребывании его в стенах ВГУ ничего не знал (Акинъшин А. Раввин на студенческой скамье // Воронежский курьер. 2000. 17 авг.). Пестрота в студенческих рядах тогда царил необыкновенная!

С некоторыми студентами ВГУ далеких двадцатых годов я был знаком. Ветераны краеведческих чтений в Никитинской библиотеке помнят двух завсегдатаев 1970–1990-х годов. Сын городского врача Дмитрий Дмитриевич Леонов (20.8.1902–16.9.1983) учился последовательно на физико-математическом и педагогическом факультетах с 1921 года. Он рано увлекся археологией, участвовал в экспедициях, которые проводил губернский музей, работал вместе с С.Н. Замятниным и М.Е. Фосс. Из-за работы в летних экспедициях Леонов не всегда успевал вовремя сдавать экзамены. В конечном итоге он был отчислен со второго курса социально-исторического отделения педагогического факультета в 1924 году. Думаю, это произошло в первую очередь потому, что, получив в 1923 году диплом Воронежского отделения Московского археологического института, Леонов не видел в университетском образовании дальнейших возможностей для пополнения знаний. Исторического факультета уже не было, да и в педагогической сфере начинала превалировать идеология. Более четырех десятилетий Д.Д. Леонов проработал научным сотрудником Воронежского областного краеведческого музея.

Невысокого роста, плотный, в неизменном полувоенном френче, Александр Иванович Князев (11.8.1902–7.3.2005) бывал на краеведческих чтениях до конца 1990-х годов. Уроженец пригородной слободы Троицкой (давно уже вошедшей в состав города), он в 1919 году окончил 1-ю объединенную советскую школу II ступени (бывшая 2-я мужская гимназия). Год работал счетоводом участкового потребительского железнодорожного общества. В марте 1920 года Князев подал заявление на медфак. Однако для зачисления потребовался еще один документ — «рекомендация пролетарской организации», которую он представил 22 сентября. По воспоминаниям Александра Ивановича, в тот год было принято 725 человек, год спустя продолжали учебу чуть более 200 человек. На медицинском факультете был особый «военный комиссар», у которого надо было получать разрешение на любую отлучку из Воронежа, даже в каникулярное время. Александр Князев регулярно подавал такие прошения, чтобы поехать к тетке в село Мордово Тамбовской губернии.

Студенческое дело Князева ценно сохранившимися документами о плате за обучение. В марте 1923 года он безуспешно просил освободить или снизить плату, поскольку был «отнесен к первой категории (плата 66 рублей)». Далее он поясняет семейное материальное положение: личных средств нет (раньше имел урок), семья из шести человек живет на заработок отца, который в январе 1923 года получил 229 рублей. Отказ последовал и на просьбу в «распределительную комиссию при старостате медицинского факультета» о выдаче обмундирования (белье, рубашка и брюки). Только в ноябре 1923 года, когда Князев учился на 4-м курсе, его освободили от платы. Отец, бухгалтер службы движения ЮВЖД, после проведения денежной реформы получал в месяц около 50 рублей.

Александр Иванович окончил медфак со специализацией окулиста в 1925 году. С 1937 по 1955 год был военным врачом. Участвовал в Великой Отечественной войне и вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке. Почти всю жизнь он прожил в одном и том же доме, построенном его отцом в 1910 году. Менялся только адрес: Привокзальный поселок, ул. Бринкманская, дом 7, затем ул. Федеративная, дом 13, и наконец, ул. Урицкого, дом 13. Сейчас здесь живет дочь А.И. Князева.

В воспоминаниях известного архитектора Николая Троицкого (1900–1984), окончившего реальное училище в Воронеже, не раз упоминается священник домово́й церкви и учитель Закона Божия этого училища Тихон Крутиков (1867–1918). По материнской линии он приходился племянником епископу Тамбовскому Феофану Затворнику, причисленному к лику святых. Мельком Троицкий говорит и о своем сверстнике, поповиче Георгии, тоже ставшем архитектором. Один из трех детей Тихона Александровича Крутикова и его жены Анны Феофиловны, урожденной Макаревич, Георгий родился 4 апреля 1899 года, крещен во Введенской церкви. Окончил первую мужскую гимназию в 1917 году с серебряной медалью. В октябре 1918 года подал прошение на физико-математический факультет ВГУ. Учился Георгий Крутиков здесь недолго, хотя и оставался в Воронеже до 1922 года. В годы гражданской войны санитаром боролся с эпидемиями, был телеграфистом в управлении военных сообщений Южного фронта. Строгого математика или физика-экспериментатора ододел в его душе художник. Он принимал участие в создании в Воронеже Свободных художественных мастерских. Сам Георгий уехал в столицу, там окончил архитектурный факультет Высшего художественно-технического института. Дипломный проект Крутикова «Город будущего» иначе назывался «Летающий город». Он стал довольно известным зодчим, занимался охраной столичных памятников. В 1924 году он женился на Клавдии Васильевне Пикторской (1903–1988), младшей сестре одной из наших героинь. Умер 3 марта 1958 года в Москве, похоронен на Введенском кладбище (Голубева И.В. Архитектор Георгий Тихонович Крутиков. Ялта, 2000).

В октябре 1918 года на историческое отделение историко-филологического факультета подали заявление Дмитрий и Лидия Крапивины. Дмитрий предъявил метрику: родился 27 сентября 1892 года в Воронеже в семье мещанина Григория Федоровича Крапивина и Доменики Иосифовны, урожденной Епифановой. Лидия родилась 4 января 1901 года. Стало понятно, что это племянники художницы Вассы Епифановой, жены Александра Бучкури. После смерти в 1909 году мужа Доменика Крапивина жила у его родственников на Логовой улице, дом 8. Ныне эта улица носит имя Бучкури.

Лидия окончила университет в 1922 году и далее ее следы затерялись. Дмитрию не впервой было садиться на студенческую скамью. В 1911 году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, учился там до Первой мировой войны. После окончания войны решил завершить свое образование. Долго ли продолжалась его студенческая жизнь на этот раз? Как пережил он события Гражданской войны? Не знаю.

Дмитрий Крапивин значится в числе авторов «Воронежского кооперативного календаря» на 1919 и 1920 годы, который иллюстрировал А.А. Бучкури. Впрочем, это был не первый литературный опыт молодого филолога. Еще в 1914 году в местном альманахе «Проселочные дороги» (редактор-составитель Георгий Фомин) увидели свет его разыскания о творчестве И.С. Никитина. Принимал он участие в работе над библиографическим указателем «Wogonica» (1919).

В двадцатые-тридцатые годы Д.Г. Крапивин работал в Сельскохозяйственном институте. Зная его художница Людмила Ивановна Бабанина говорила о нем как о страстном коллекционере, собирателе старинных книг и предметов антиквариата. Архивных и печатных источников о его жизни найти не удалось. В списках репрессированных он не значится. Эвакуироваться из Воронежа Дмитрий Григорьевич вряд ли успел. Говорят, он был расстрелян вместе с матерью, теткой и ее мужем, художником Бучкури. Обстоятельства их гибели до сих пор не выяснены.

О Петре Ивановиче Копытине мне в письмах рассказывала его жена, Ксения Владимировна Самбурская (1908–1997), которая жила в Евпатории («строг и монолитен / Петр Копытин»). В 1930-е годы она работала в университетской, затем в мединститутской библиотеке. Замужем была с 1927 года. Копытин родился в селе Рождественская Хава Воронежского уезда 28 мая 1900 года в семье сапожника и сам был обучен этому мастерству. Полгода служил в Красной Армии: в штабе 8-й армии, затем в штабе 40-й стрелковой дивизии. Тем не менее, успел получить среднее образование («учился во II ступени 4 группе»). В 1921 году заведовал инструкторским подотделом Губернского профсоюза работников просвещения. В августе 1921 года подал заявление на экономическое отделение факультета общественных наук «на цикл организация промышленности». Не очень надеясь на свои знания, он просил родной профсоюз ходатайствовать перед ректоратом университета о его приеме. Губрабпрос такое письмо в ректорат ВГУ направил. Копытин был принят. После окончания университета Копытин преподавал обществоведение в 7-й городской школе II ступени, одновременно продолжал заведовать культпросветработой в профсоюзном ведомстве. В 1930-е годы Копытин работал в губернском плановом отделе и преподавал в Плано-экономическом институте, который размещался на Студенческой. Его коллегой был профессор Александр Татарчуков. В соавторстве с П.Н. Косцовым Петр Иванович выпустил две книги: «Промышленный комбинат КМА» (1932) и «Пути промышленного развития ЦЧО» (1934). Ранее он сообщал, что готовит к изданию «очерки по профдвижению просвещенцев Воронежской губернии» (не изданы). 15 мая 1936 года П.И. Копытин был арестован, полтора года спустя получил десять лет лагерей. Сидел в Каргополе, по окончании срока сослан в Туруханский район Крас-

ноярского края. Работал десятником в райкомхозе. 13 августа 1952 года вновь арестован, а 17 августа по обвинению в антисоветской агитации получил 25 лет лагерей. В Воронеж вернулся в 1955 году. В августе 1956 года реабилитирован. 19 лет были вычеркнуты из жизни, да и саму жизнь-то сохранил чудом. Умер в мае 1967 года в Воронеже. Дочь П.И. Копытина и К.В. Самбурской, Людмила Тихомирова, опубликовала в журнале «Подъём» (1998. № 7–8) мемуарный очерк «Рассказы бабушки и внучки».

В первый год работы ВГУ социальным происхождением потенциальных студентов особо не интересовались. Более того, с точки зрения профессуры, дети дворян и священников, закончившие гимназию или семинарию, гораздо легче постигали премудрости высших наук. 9 октября 1918 года на историко-филологический факультет подала прошение Мария Александровна Паренаго, обитавшая в доме Агафонов по Венецкой улице. Она родилась в старинной дворянской семье 24 мая 1899 года, крещена в Тихоновской церкви пригородного села Подгорное. Родители: отставной прапорщик Александр Васильевич Паренаго, мать — Антонина Андреевна. Восприемником при крещении девицы Марии был князь Михаил Аполлонович Волконский, ее двоюродный брат. Паренаго-старшему с 1894 года принадлежал дом на Большой Дворянской (в 1914–1916 годах там размещался «новый женеvский магазин «Шифф»). К осени 1918 года его, похоже, уже национализировали. В 1916 году Мария Паренаго окончила женскую гимназию Нечаевой. Мировая война помешала поездке в одну из столиц для продолжения обучения на Высших женских курсах. А тут — рядом открылся университет, а девушек всегда привлекала филология... Наверное, стала учительницей, может быть, даже успела сменить столь необычную фамилию на Степанову или Титову и не попала тогда в «ежовые рукавицы».

В сентябре 1918 года заявление на историческое отделение историко-филологического факультета подал еще один дворянский отпрыск. Это был Виталий Семенович Ярцев. Он родился 12 апреля 1895 года в селе Глушицы Задонского уезда. В 1912 году окончил Воронежский кадетский корпус, в 1914 — Александровское военное училище. Участвовал в Первой мировой войне, воевал в 25-м Смоленском пехотном полку. 4 марта 1917 года награжден Георгиевским оружием. Его младший брат, подпоручик Павел, погиб на фронте 15 апреля 1916 года. Виталий Ярцев рано проявил интерес к истории местного края. В 1912 году он подготовил несколько очерков для книги «Воронежское дворянство в Отечественную войну». В июле 1914 года был избран членом Воронежской ученой архивной комиссии. Вот как это прокомментировал известный краевед Василий Литвинов в письме в Острогожск к Михаилу Ивченко: «... избрали безусого подпоручика Ярцева, который через два дня после этого отправился на театр военных действий. Избрали его ввиду некоторых его работ по музею и чтобы сделать ему приятное при отъезде на войну». На заседании Архивной комиссии в марте 1915 года С.Е. Зверев прочитал сообщение «Дневник офицера В.С. Ярцева за июль-декабрь 1914 г. на театре военных действий». 23 октября 1915 года Ярцев сам присутствовал на заседании Комиссии и выступил с докладом. Немудрено, что демобилизовавшийся в чине капитана и поступив в университет, Виталий Ярцев сразу же стал сотрудничать с губернским музеем. Осенью 1919 года он занимал должность хранителя музея, а техническим сотрудником музея был его младший брат Николай. 10 октября 1919 года музей посетил командир белоказацкого корпуса генерал-лейтенант А.Г. Шкуро. «Зал был убран множеством полковых знамен, спасенных музеем в большеvистский период. Генерал заинтересовался обилием военно-исторического материала в музее, внимательно выслушав объяснения хранителя музея капитана В.С. Ярцева, предложив ему по поводу воинских знамен сделать письменный доклад и обещал со своей стороны пополнить отдел освобождения

Воронежа от советской власти военными трофеями, и тут ж отдал распоряжение командиру кавказского конно-артиллерийского дивизиона полковнику Сейделер о передаче в этот отдел отбитой у большевиков пушки» (Генерал Шкуро в губернском музее // Воронежский телеграф. 1919. 29 сент. (12 окт.)). Безопасно ли было после этого события оставаться Ярцеву в Воронеже? Он покинул город вместе с белыми. Дальнейшие его следы затерялись.

Из дворянской семьи происходил и Николай Владимирович Томановский. Семья была достаточно приметной: отец, Владимир Николаевич — многолетний председатель губернской земской управы, член Государственного совета с 1915 года, комиссар Временного правительства в марте-июле 1917 года. Правда, новая власть отнеслась к нему лояльно, и он в 1918 году занял должность заведующего административно-фискальным подотделом губернского финансового отдела. Сын родился 1 апреля 1893 года в селе Калабино Землянского уезда. В 1911 году с золотой медалью окончил полный курс мужской гимназии в Воронеже. 25 ноября 1918 года подал прошение на историческое отделение историко-филологического факультета. В это время он был сотрудником губернского музея. В отделе редких книг Никитинской библиотеки есть «Книга для чтения по истории средних веков» (М., 1903) под редакцией П.Г. Виноградова с владельческим штемпелем Н.В. Томановского. О том, что делал между 1911 и 1918 годом, Томановский в своем прошении ничего не сообщает. В «Памятной книжке Воронежской губернии» на 1914 г. появился перевод с немецкого языка фрагмента труда естествоиспытателя Иоганна Гюльденштедта, выполненный Н.В. Томановским и Т.И. Поповым. Они названы студентами-биологами Петербургского университета. В Первую мировую войну, надо полагать, воевал в чине младшего офицера. По крайней мере, в анкете он пишет, что уволен от службы по демобилизации.

Воронеж Николай Владимирович покинул вместе с родителями в октябре 1919 года с корпусом генерала Шкуро. Томановские оказались в Сербии. Владимир Николаевич умер 31 мая 1923 года, его жена Лидия Борисовна, урожденная Богушевская, умерла 8 декабря 1926 года в городе Панчево, под Белградом. Судьба их сына неизвестна.

Желание завершить образование на историко-филологическом факультете ВГУ выразила Лидия Васильевна Пикторская. Прошение она подала 4 сентября 1918 года. По происхождению — из дворян, хотя ее отец, Василий Никанорович Пикторский, не владел имением, а был церковнослужителем, псаломщиком в церкви Михаила Архангела в Кадетском корпусе. В этой же церкви ее крестил настоятель, Стефан Егорович Зверев (родилась Лидия 21 марта 1897 года). Дружеские связи семей Зверевых и Пикторских сохранились надолго. Член-корреспондент Академии наук, астроном Митрофан Степанович Зверев в 1985 году благодарил сестер Лидии, Марию и Клавдию Пикторских, за помощь в написании воспоминаний о своем отце.

Училась Лидия в Мариинской гимназии, в 1915 году окончила 8-й дополнительный класс с правами домашней учительницы. В том же 1915 году поступила на историко-филологический факультет Московских высших женских курсов. Подавая документы в ВГУ, слушательница курсов Л.В. Пикторская просила зачесть сданные ею в течение трех лет учебы предметы. В сентябре 1918 года церковь упраздненного кадетского корпуса еще действовала и семья псаломщика жила в прежней квартире. Свой адрес Лидия Пикторская указала так: «Воронежский государственный университет (бывший Кадетской корпус)». У студентки сразу же проявилась тяга к театру. Параллельно с учебой в начале 1920-х годов она работала в студийном театре Губоно. Затем в профессиональных провинциальных театрах в Туле, Красноводске, с конца 1930-х — в Ашхабаде, где стала

заслуженной артисткой Туркменской ССР. В 1950–1953 годах Лидия Пикторская играла в Одесском драматической театре Советской армии. Здесь в 1952 году она стала лауреатом Сталинской премии третьей степени за роль в спектакле «Прага остается моей» по пьесе Ю. Бурьяковского. С 1954 года — во Львовском русском драматическом театре. Во Львове она и умерла в 1957 году. В этом же году на экраны вышел фильм «Павел Корчагин» режиссеров Александра Алова и Владимира Наумова, где она снялась в роли матери Корчагина, которого играл Василий Лановой.

Гражданская война, голод, разруха заставили многих воронежцев возвратиться домой из Москвы и Петрограда. Среди таких возвращенцев была Зоя Васильевна Яковлева. Она родилась 17 декабря 1893 года в купеческой семье. Отец, Василий Николаевич (1850 — после 1917), производил и торговал обувью. Ее племянник Юрий Васильевич Яковлев (1926–2013) стал народным артистом СССР. Окончив гимназию Степановой с золотой медалью в 1911 году, Зоя Яковлева поступила на историко-филологический факультет Бестужевских курсов. К 1918 году курсы были реорганизованы в Третий Петроградский университет. 1 февраля 1919 года она подала прошение о переводе на историческое отделение истфилфака в родной город. Возвращение состоялось. Яковлева провела в университете два года. Истфилфак был реорганизован в факультет общественных наук. В течение двух лет (1919 — 1921) она была научным сотрудником губархива, работала и в краеведческом музее. Уволилась «ввиду необходимости выехать в Петроград для окончания образования». В 1924 году окончила Ленинградский институт живых восточных языков, специализировалась на изучении китайского языка. В течение четырех лет работала переводчиком в советском консульстве в г. Чугучак (Джунгария, Китай). Участвовала в работе над китайско-русским словарем в Ленинградском восточном институте. С 1930 года — научный сотрудник Музея антропологии и этнографии. Работала над кандидатской диссертацией «Опыт социальной характеристики народов Бохая». В январе 1938 года как жена расстрелянного монголоведа (ЧСИР — член семьи изменника Родины) Владимира Казакевича выслана в Среднюю Азию. Умерла 9 мая 1940 года в Самарканде. Большие замыслы и устремления историка, этнографа и переводчика остались нереализованными.

Довольно загадочна личность Николая Михайловича Коробкова (18.12.1897–18.12.1947), преподавателя Московского археологического института, Московского отделения Института материальной культуры. Родился в Москве в семье преподавателя гимназии, получил начальное домашнее образование. Учился в Николаевском лицее. В 1913–1914 году был в Египте на раскопках в Долине гробниц. В 1918 году был оставлен при кафедре истории искусств Древнего Востока в Московском археологическом институте. Приехал в Воронеж как преподаватель местного отделения этого института. 18 января 1921 года подал прошение о зачислении на отделение истории искусств филологического факультета. «При сем присоединяю, что я окончил Парижский *Licée Charlemaque*, Московский археологический институт. Московский лицей имени цесаревича Николая и Московский юридический институт». Нельзя не удивиться четырем высшим образованиям, полученным в 24 года! Нетрудно предположить, что в ряде случаев слово «окончил» надо заменить словом «учился», это будет точнее. От военной службы у него была отсрочка до августа 1921 года. Своим воронежским адресом он указал помещение музея на Большой Дворянской.

В 1922 году Н.М. Коробков был арестован ОГПУ и приговорен к высылке на «философском пароходе», но ввиду тяжелой болезни («последняя стадия туберкулеза») она была отменена. С 1924 года — ученый консультант Центрального бюро краеведения, организует экспедиции по изучению регионов, издает разно-

образные методические пособия. В 1926 году Николай Михайлович вновь арестован и сослан в г. Мологу Ярославской губернии. Здесь он проводит археологические раскопки, пишет исторический роман «Скиф», изданный в 1930 году. В 1932–1937 годах — ученый секретарь НИИ музейной и краеведческой работы, с 1942 года — вновь в этом же институте, заведующий отделом истории. В 1938 году без защиты диссертации получил степень кандидата исторических наук и звание профессора. В ноябре-декабре 1947 года — директор института (Кудрявцева Е.Б. Образование и первые годы существования института // Культурологический журнал. 2012. № 2. С. 9–12).

В биографии Коробкова не упоминается, что он еще раз приезжал в Воронеж, но уже не по своей воле. 10 марта 1935 года он был арестован в Москве и доставлен в Воронеж. Обвинялся он в том, что состоял в контрреволюционной организации «Союз спасения России» (создание его отнесено к началу 1920-х годов) и к этому моменту даже возглавлял его. В Воронеже были арестованы отец и сын Коровины, из Ленинграда привезены И.В. Дурасов и А.Н. Петров, из Москвы — Т.С. Говсепиан. Все они раньше жили в Воронеже. В октябре 1935 года Коробкова выпустили из тюрьмы под подписку о невыезде из Москвы под поручительство сестры Нины Михайловны. Решением Особого совещания при НКВД 4 декабря 1935 года все обвиняемые были сосланы на три года в Красноярский край. Н.М. Коробков направлен на принудительное лечение, но две недели спустя оставлен у сестры для амбулаторного лечения (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 17173).

Оставшись в Москве, Н.М. Коробков продолжил научную работу. В предвоенные и военные годы он подготовил ряд сборников документов о Кутузове, Румянцеве, Семилетней войне, издал популярные биографии вице-адмирала Корнилова, Кутузова, Суворова, более серьезные работы о Семилетней войне и русском флоте. Данью интереса к Египту стала книга «Страна гробниц». Умер в Москве в день своего пятидесятилетия, похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Автор благодарит за предоставленные сведения о юрьевском периоде жизни своих героев Татьяна Шор (Тарту, Эстония).